Н. Н. БАКАЙ.

ПАМЯТИ
П. А. СЛОВЦОВА,
КАК ИСТОРИКА СИБИРИ.

КРАСНОЯРСК.
Тип. Енис. Губ. Союза Кооперативов.
1918.

Памяти П. А. Словцова, как историка Сибири.

(Род. 1767 г. † 28-го марта 1843 г.) *).

914

(Докладъ, читанный 28 марта 1918 г. въ засѣданіи Общества Этнографіи, Исторіи и Археологіи при Томскомъ Университетѣ).

25 лѣт гому назад, 28 го марта 1893 года в № 13 „Енисейскаго Листка" по, поводу исполнившагося 50-тилѣтія со дня смерти историка Сибири Петра Андреевича Словцова я писал: „Естественно ожидать, что в теченіе этих 50-ти лѣт в исторической литературѣ достаточно выяснено значеніе П. А. Словцова, как историка Сибири, что в теченіе этого времени собраны матеріалы для біографіи этого замѣчательнаго изслѣдователя сибирской старины и ревнителя просвѣщенія в качествѣ директора училищ Иркутской губерніи, а затѣм визитатора училищ Казанскаго учебнаго округа. Однако, такое ожиданіе не оправдывается. Біографическіе матеріалы не собраны, характеристики П А. Словцова, как историка Сибири, до сих пор не сдѣлано". Четверть вѣка прошло,—когда писались эти строки. Сегодня уже 75-ая годовщина со дня смерти П. А. Словцова. И что же? За этот період времени с 1893 г. ничего не было сдѣлано, чтобы свѣдѣнія о жизни и дѣятельности историка Сибири были пополнены, чтобы оцѣнка его труда—„Историчес. Обозрѣніе Сибири", была сдѣлана с достаточной полнотой и обоснованностью, чтобы, наконец, в сибирской исторіографіи первому областнику-историку Сибири, по праву, было удѣлено должное и заслуженное вниманіе. Вот почему не обильны ма-

---

*) Источники и пособія: 1) Историческое Обозрѣніе Сибири. П Словцов. Изд. И М. Сибирякова Спб. 1886 г.; 2) Рукопись П. А Словцова Историческое Обозрѣніе Сибири Ч. II Хранится в библіотекѣ Томскаго Университета; 3) Дѣло № 19 за 1821 Архив Томской 1-ой мужской Гимназіи, 4) Два письма Словцова и три его проповѣди Чтен в И. Общ Истор. и Древн. Росс. при Моск. Универ. 1873 кн 3-я; 5) Н Абрамова: П А Словцов ib. 1871 г. кн 4-я 6) Поправка и дополненіе біографическаго извѣстія о П. А Словцов. Г. Спасскаго. Москвитянин, Ч. VI № 11, м 1844 г. 7) Два письма Словцова сообщ. Громов и къ біографіи Словцова. К. Голодникова. Сборник газеты «Сибирь», т. I. Спб. 1876, 8) Истор. Записка о Чукотском народѣ Вѣстн. Геогр. Общ. 1856 г. кн. 5-я Спб. 1856; 9) Н Щукин. Поѣздка в Якутск Изд 2-е. Спб. 1844 г.; 10) Г. Н Потанин. Областическая тенденціи в Сибири. Сборник к 80-лѣтію дня рожденія Г. Н. Потанина. Томск, 1915 г. 11) Проф. В. С Иконников. Опыт Русской исторіографіи, кн I. и II Кіев, 1891 г., 12) Исторія просвѣщенія в Сибири и университетскій вопрос. Сибирск Сборник 1886 г. Спб; 13) П П Оглобин Обозрѣніе столбцов и книг Сибирскаго приказа (1592—1768) г г Ч. I—IV М 1895—96 г.; 14) В Вагина· П А Словцов Вост. Обозр. 1893 г. № 13, и др; 15) А. П. Щапов Сочиненія Т. I. Спб. 1906. и др.

теріалы для біографіи Словцова, в особенности, для школьных его годов и для его учебной службы.

I.

Петр Андреевич Словцов, сын священника, родился в 1767 г. в Нижнесусанском заводѣ, Пермской губерніи. Первоначальное образованіе получил он под руководством отца. На двѣнадцатом году привезен был в Тобольск и опредѣлен в Тобольскую духовную семинарію, так как Пермская губернія принадлежала к Тобольской епархіи. Способный и трудолюбивый Словцов отлично окончил в 1788 г. курс в семинаріи и был отправлен из Тобольска на казенный счет в С.-Петербург в высшую Александро-Невскую семинарію. Здѣсь Словцов встрѣтился и сблизился с сыном священника Владимирской губерніи Сперанским Михаилом, подружился и остался в перепискѣ с ним до конца жизни. По окончаніи курса в Александро-Невской семинаріи, Словцов был назначен учителем философіи и краснорѣчія в Тобольскую семинарію. Обладая и начитанностью, даром слова, и любовью к педагогической работѣ, Словцов вскорѣ выдѣлился из среды преподавателей, как болѣе способный. На преподавателя Словцова, производившаго впечатлѣніе на слушателей даром слова, начальство его возложило обязанности говорить в Знаменском монастырѣ слова и поученія. Если в Тобольскѣ сначала говорили о Словцовѣ, как даровитом преподавателѣ, то теперь стали говорить о Словцовѣ и как о выдающемся проповѣдникѣ, поученія котораго производили на тоболяков, по отзыву тобольских старожилов, весьма сильное впечатлѣніе. Конечно, у Словцова уже в это время были и враги, завидовавшіе популярности молодого проповѣдника-учителя. На спискѣ одной из проповѣдей была сдѣлана надпись современная Словцову: „христіанин, не теряй на чтеніе поученій сих ни времени, ни труда. Кромѣ пустого мудрованія, кромѣ двусмыслія и явнаго противленія ученію Вѣры,—не найдешь здѣсь ничего. Богато одним пустословіем и глупостями“.

В своих поученіях Словцов, касаясь вопросов религіозных, иногда останавливался на отрицательных явленіях современной ему жизни.

В одной из проповѣдей, по случаю торжества бракосочетанія вел. кн. Александра Павловича, он на поставленный вопрос: „Разсудим вообще о признаках народнаго счастія“?—отвѣтил: „Тишина народная—есть иногда молчаніе принужденное, продолжающееся дотолѣ, пока неудовольствія, постепенно раздражая общественное терпѣніе, не прервут онаго. Если не всѣ граждане поставлены в одних и тѣх же законах, если в руках одной части захвачены преимущества, отличія и удовольствія, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов, или одни несчастія, то там спокойствіе, которое считают за-

логом общаго счастія, есть глубокій вздох, данный народу тяжким ударом. Правда, что спокойствіе слѣдует из повиновенія, но от повиновенія до согласія столько же разстоянія, сколько от невольника до гражданина. Еще прибавим, что цѣлый народ искони не был ни в чем единодушен, развѣ в суевѣріи и заблужденіях политических. Итак, когда тишина служит чаще знаком притѣсненія, что значат таковыя монархіи? Это великія гробницы, замыкающія в себѣ несчастные стенящіе трупы, и троны их—это пышныя надгробія, тяжко гнетущія оныя гробницы. Народы злополучные".

Бывшій тогда в Тобольскѣ губернатор Алябьев достал копію со списка проповѣди и сообщил о ней в Петербург, усмотрѣв в ней многое противное высшей власти, прибавив „кромѣ сей непозволительной проповѣди, я до сего времени ничего противнаго спокойствію об нем, Словцовѣ, не провѣдал". Проповѣдь от генерал-прокурора Самойлова перешла к завѣдывавшему тайной канцеляріей Шешковскому для сношеній с митрополитом. Послѣ бесѣды с митрополитом, Шешковскій дал заключеніе: „сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося в семинаріи человѣка, т. е. ни правил, ни связи той нѣт, впрочем она дерзкая и развратительная".

Вскорѣ митрополит получил от Тобольскаго архіепископа, роднаго своего брата, письмо, в котором, между прочим, послѣдній писал,—„что сочинитель Словцов проповѣдь на тот день писал скоропоспѣшно, а потому ни ему, ни ректору не казал оную, да и не можно было подозрѣвать его в таких сочиненіях даже до сего времени, ибо он говорил раньше проповѣди без всяких вредных и соблазнительных мыслей".

Тѣм не менѣе Словцов, при крайне тяжелых условіях переѣзда, был доставлен в концѣ 1793 г. в Петербург, а оттуда в Валаамскій монастырь на Ладожском озерѣ. Кромѣ этой проповѣди, Словцову были поставлены в обвиненіе и его рѣзкія слова об Александрѣ Македонском в найденных у него бумагах. Узнав об этом, архіепископ Тобольскій Варлаам рѣшил ходатайствовать перед митрополитом Петербургским о смягченіи участи Словцова. Послѣднему была предоставлена возможность лично объясниться с митрополитом. Объясненіе это имѣло своим послѣдствіем не только возвращеніе Словцова из Валаамской обители, но и предоставленіе ему мѣста учителя краснорѣчія в Александро-Невской высшей семинаріи. Есть основаніе предполагать, что Словцову в это время намекали на принятіе монашества, но он отказывался и, чтобы порвать связь с духовным вѣдомством, пожелал перейти на свѣтскую службу. В іюнѣ 1797 г. рескриптом Генерал-Прокурору Словцов был опредѣлен в канцелярію

его. Здѣсь служба Словцова сначала пошла отлично—он с успѣхом исполнял служебныя порученія, получал награды. В 1801 г. ему было дано сложное порученіе—описаніе торговли в Черноморском краѣ. Успѣшно выполнив работу, Словцов получил мѣсто экспедитора в департаментѣ министерства коммерціи. В своей служебной карьерѣ он опирался лишь на свои личныя качества, а вслѣдствіе этого пріобрѣл себѣ и завистников, которые не замедлили найти предлог к удаленію его со службы в Петербургѣ..

Искали случая для этого и примѣнили клевету. В январѣ 1808 г. Словцов был заключен под стражу по обвиненію во взяточничествѣ, конечно, совершенно вымышленном. Находясь однажды в стѣснительном финансовом положеніи, Словцов прибѣгнул к займу 600 рублей ассигнацій у одного лица, имѣвшаго дѣло, находившееся в производствѣ Словцова по департаменту министерства коммерціи. Разбор дѣла не дал основаній к обвиненію, но тѣм не менѣе завистники достигли цѣли: Словцов был назначен в Тобольск на службу в канцелярію Генерал-Губернатора. Он расчитывал на заступничество своего товарища по школѣ Сперанскаго, который в это время был уже в силѣ. Но послѣдній в отвѣт на письмо Словцова писал: „кто взял на себя крест и положил руку на рало, тот недолжен уже озираться вспять, а что, впрочем, он увидит—мечты, призраки и гордость житейскую. Мы умствуем, а тебѣ Милосердное Провидѣніе назначило дѣйствовать.. Будь же его орудіем вѣрным и неразногласным". Словцов был убит горем, искал защиты, и в утѣшеніе получил от вельможи назидательное и уклончивое письмо. За этим огорченіем вскорѣ послѣдовало и другое. В концѣ 1808 г. Сибирскій Генерал-Губернатор Пестель, отправляясь в Петербург, согласился послать Словцова вперед с своей путевой канцеляріей. Снова у Словцова появились надежды на возвращеніе в Россію... Извѣщенный об этом Сперанскій писал Петру Андреевичу: „нельзя еще теперь опредѣлить ни надежд ваших, ни страхов, ибо все с Вами случающееся не входит в обыкновенные человѣческіе расчеты. Ваш путь особенный. С сей точки зрѣнія вы непрестанно должны смотрѣть на всѣ происшествія вашей жизни: ничего не ожидать положительнаго и на все быть готовым"...

Точно какое-то предчувствіе было у Сперанскаго. В Твери генерал-губернатор Пестель получил увѣдомленіе, что он не может взять с собою Словцова, которому даже запрещен выѣзд во внутреннія губерніи. Словцову пришлось вернуться в Тобольск.

В 1814 году он получил порученіе обозрѣть присутственныя мѣста в Забайкальѣ, Нижнеудинском, Иркутском уѣздах, а в слѣдующем году ревизовал Киренскій и Якутскій округ. Назначенный затѣм око-

ло 1815 г. директором училищ Иркутской губерніи—он отдался своей новой дѣятельности со всей энергіей и любовью. Народное образованіе находилось в то время в Иркутском краѣ в очень печальном положеніи: почти не было ни свѣтских школ, ни лиц, пригодных для учительской профессіи. Стремленіе к образованію в сибирском обществѣ в это время было еще очень слабо: иркутскіе чиновники старались только выучить дѣтей своих грамотѣ и отдать их поскорѣе на службу, купцы пріучали дѣтей с ранних лѣт ходить с обозами и торговать в Якутскѣ и Ирбитѣ, в образованіи же для них не нуждались. По иниціативѣ Словцова было открыто в разных мѣстах 16 приходских училищ. Гимназія Иркутская, старѣйшая в Восточной Сибири, была предметом особых забот Словцова. Благодаря этим заботам улучшился состав преподавателей, увеличилось количество учебных пособій и учебное дѣло пошло много успѣшнѣе, что было отмѣчено епископом иркутским Михаилом, а затѣм и Сперанским, обревизовавшим Иркутскую губернію в 1819 году и удостовѣрившимся в отличном состояніи учебной части.

В письмѣ от 19-го ноября 1819 года Сперанскій к А. А. Столыпину говорит: „Я уже писал Вам, помнится, о Словцовѣ Он стал еще лучше и умнѣе нежели был, уединеніе освѣжило его мысли и успокоило его душу до того, что, кажется, он ничего не желает и готовится умереть спокойно. В свое время я буду о нем сильно ходатайствовать, но, кажется, если бы предложили ему мѣсто канцлера, он не двинулся бы никуда отсюда. Так же бѣден, так же студент, как и прежде, но еще менѣе желает и менѣе заботится о житейском; впрочем бѣдность его есть почти произвольная: в званіи директора гимназіи он получает 2000 р. ассигнаціями и не понимает, куда ему здѣсь дѣвать сіе богатство. Вообще он здѣсь всѣми уважаем. Гимназія его есть, может быть, одна в Россіи, которая идет весьма правильно и с успѣхом; он каждый день в ней бывает". В том же году в письмѣ к своей дочери Сперанскій писал: „Словцов один здѣсь (в Иркутскѣ) умный и нѣкогда острый человѣк, болен и стар. Это потухающій огонек, который изрѣдка только вспыхивает. Физическія его силы уже не тѣ".

Благодаря отзыву Сперанскаго и его хлопотам Министру Народнаго Просвѣщенія Голицину повелѣно было поручить Словцову осмотр учебных заведеній губерній; Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской, а затѣм вскорѣ он был назначен визитатором училищ Ка-

занскаго учебнаго округа[1]) хотя и вопреки его желанію. Ему все еще хотѣлось попасть в Петербург. Но и на этот раз ходатайство Генерал-Губернатора Капцевича о переводѣ Словцова на службу в Европейскую Россію—было отклонено. Лишь в 1828 г., по представленію ревизовавших Западную Сибирь сенаторов кн. Куранина и Безроднаго, послѣдовало разрѣшеніе на это, но лѣта и болѣзни сдѣлали свое— Словцов рѣшился не покидать Сибирь. К этому склоняли его и близкіе знакомые, а среди них особенно преосвященный Тобольскій Евгеній, говорившій: „Петр Андреевич! Пламень недоброжелательства врагов ваших в Петербургѣ, может быть, и погас, но это не повидимому ли только? нѣт ли под пеплом искр, и искры эти в вашем присутствіи не образуют ли новаго пламени? При том, послѣ бурной вашей жизни и при примѣтах старости (Словцову шел 61 г.); не славы и чести, но покоя и душевнаго спасенія слѣдует желать Вам".

В 1829 г., с упраздненіем должности визитатора училищ, Словцов совершенно оставил службу и от правленія Казанскаго университета, которому по службѣ был подчинен, он получил аттестат: „под судом, в штрафах и отставкѣ не был. Во время пребыванія в учебном вѣдомствѣ проходил должность свою, равно и исполнял всѣ, дѣлаемыя ему по службѣ порученія с отличным усердіем и ревностью на пользу народнаго просвѣщенія при примѣрной нравственности". Пенсія Словцову была назначена в 3000 рублей ассигнаціями, что вполнѣ обезпечивало одинокую его жизнь: семьи он не имѣл. Освободившись от служебной тяготы, Словцов весь ушел в научную работу по созданію „Историческаго Обозрѣнія Сибири". Временем располагал он с методической точностью: каждый день вставал около 6 часов утра, напившись чаю, садился за свой труд; в час обѣдал; отдыхал около часу, ходя по комнатѣ или на дворѣ своей квартиры. Затѣм опять продолжал работу до вечерняго чая. Из посторонних рѣдко кого посѣщал. Только при таких условіях работы и можно было свой научный труд довести до конца. В письмѣ к Спасскому от 8 декабря 1839 г. Словцов писал: „Ко многим трудностям, мною встрѣчаемым на пути своего

[1]) Рескрипт, данный 3 іюля 1821 г. Министру Народн. Просвѣщенія.

«Князь Александр Николаевич По изъясненным в представлении вашем причинам учреждается для постояннаго осмотра училищ в трех Сибирских Губерніях мѣсто Визитатора Повелѣваю 1-ое, назначить по оному годового жалованія по три тысячи рублей ассигнаціями в год из Государственнаго Казначейства; 2-ое, прогоны на тѣх же сумм производить Визитатору по чину его, всякій раз по числу верст на разстояніи, на какое он отправляется; 3-е, для должности Визитатора Сибирских Губерній составить особую инструкцію, в коей изъяснить обязанности его в отношеніи к попечителю и Университету Казанскому, а также самую цѣль и средства народнаго образованія в тѣх Губерніях; 4-ое, на сей раз опредѣлить Визитатором Статскаго Совѣтника Словцова, уволив его от должности Директора Иркутских училищ Пребываю к вам всегда благосклонный».

На подлинном собственно Его Императорскаго Величества рукою подписано. Александр. Архив Томск. 1 отд. Муж. Гим. Дѣло № 19.—1821 г.

труда, встрѣтилось еще ослабленіе зрѣнія, которое с 20 іюля по сіе время не дает мнѣ ни читать, ни писать, особенно при огнѣ". В письмѣ от 2 апрѣля 1840 г. он пишет Спасскому: „Прошедшую зиму я себѣ воспретил читать или писать при огнѣ. Конечно, много времени ушло между рук, но я надѣюсь тѣм поддержать мое зрѣніе. Что за бѣда, если я не окончу дѣла. Вѣдь там не спросят, сколько страниц я исписал на землѣ". Тревожила Петра Андреевича и мысль, гдѣ взять денег на изданіе 2-ой части „Обозрѣнія Сибири". В письмѣ от 14 января 1842 г. Словцов Спасскому сообщал: „Если не найду в заем денег для напечатанія манускрипта моего. то может быть найдется типографщик, который на свой счет отпечатает его, с уплатою мнѣ 10 экземпляров за весь мой труд. Не дивитесь—это не в первый раз. Полевой, историк, напечатал „Мои прогулки около Тобольска лѣт за 12 и наградил меня шестью экземплярами". Здоровье П. А. Словцова быстро ухудшалось. В 1842 году он писал смотрителю Березовскаго училища Н. А. Абрамову: „Желаю Вам пользоваться долголѣтним здоровьем и благополученіем. Что касается до меня, сѣкира лежит уж при корнѣ". 16 января 1843 г. он подписал духовное завѣщаніе и, отдавая его инспектору Тобольской гимназіи Помаскину, сказал: „Болѣзнь моя усиливается, ничто не связывает меня с землей. Послѣдняя моя книга о Сибири кончена, слѣдует только отослать в печать". Не суждено было видѣть Петру Андреевичу эту часть работы напечатанной—28 марта 1843 г. он скончался.

Так угасла жизнь человѣка, испытавшаго массу огорченій, нравственных мученій, моральных потрясеній, но не павшаго духом под гнетом тяжких условій современной ему жизни Он вынес этот гнет, найдя утѣшеніе в идейной личной работѣ, в своих исторических занятіях, давших в результатѣ капитальный труд: „Историческое Обозрѣніе Сибири". На нем я и остановлюсь теперь, не касаясь общелитературных небольших работ Словцова.

II.

Как историк Сибири, П. А. Словцов встрѣтился, при своих исторических занятіях, с чрезвычайными затрудненіями. Что было сдѣлано по изученію исторіи Сибири до Словцова? Конечно, здѣсь на первом мѣстѣ нужно поставить „Исторію Сибири" XVII в. Герарда Миллера, вышедшую отдѣльным изданіем, и продолженіе ея в „Ежемѣсячных Сочиненіях". Несомнѣнно, что имя Миллера в курсѣ исторіографіи Сибири займет первое мѣсто, как по новизнѣ матеріалов, положенных историком в основу своего труда, так и по огромному их количеству, притом матеріалов, собранных им почти исключительно в Сибирских архивах во время путешествія его по Сибири с 1733—1743.

И Словцов сознавал значеніе для него трудов Миллера: „Сто лѣт в расходѣ у Сибири," говорит Словцов в предисловіи к 1 ч. „Обозрѣнія Сибири", посвященной Миллеру,"—как по разсѣянным ея городам и слободам странствовал ты, достойный друг Сибирской исторіи. Сто лѣт, как ты помышлял о первых днях нашей родины, как сличал годы полутора вѣка с лѣтописями городов наших и провѣрял их иногда со столбцами архивов. Без твоего прихода Кліо Гиперборейская донынѣ перешептывалась бы с дьячком Осиповым и с сыном боярским Ремезовым, потому что архивы наши сгорѣли, рукописныя лѣтописи рѣдѣют, а в обителях и благородных сословіях незамѣтно ни Нестора, ни Болтина". Безспорно, что „Исторія Сибири" Миллера давала значительное количество исторических актов, которые могли служить надежным источником для выясненія прошлой жизни Сибири в XVII в. и началѣ XVIII в.; безспорно и то, что в цѣлом „Исторія Сибири" Миллера как отчасти и как и компиляція ея „Исторія Сибири" Фишера,—служили хорошим пособіем при изложеніи, в особенности, исторических данных по исторіи колонизаціи Сибири русским населеніем и по исторіи установленія здѣсь управленія Сибирью в XVII в. связи с бытом населенія. Но Словцов имѣл в виду не только эти задачи. П. А. Словцов смотрѣл на Сибирь уже, как на область, представляющую в своем историческом развитіи много условій для образованія во внутренней жизни и в складѣ народнаго характера особых теченій. В предисловіи к „Историческому Обозрѣнію" на стр. Словцов, сознавая, что „ученая исторія Сибири, со времени второго путешествія Берингова, сдѣлала большіе шаги, на путях человѣческаго вѣдѣнія", называет имена ученых Миллера, Гмелина, Крашенникова и др. и задает вопрос -что остается еще сдѣлать? По мнѣнію Словцова, необходимо „выставить учрежденія, ускорявшія и замедлявшія проявленіе сил жизни, а болѣе всего представить жизнь частную и общественную—зов, слышимый из под развалин 250 лѣт. Откликаясь на зов сей, я недоумѣваю, говорит он, только в одном: исторія страны невеселой, зимуя среди пестрых нравов и обычаев, без мечтаній славы, без проявленій генія, без побѣд, без политики... оправдывает ли скромное имя „Историческаго Обозрѣнія"? Сомнѣніе Словцова им же самим и опровергается.„ Но если,— продолжает он, были в странѣ свои отдѣльныя обстоятельства, свои занятія, при особых взглядах правительства, свои послѣдствія, если замѣтны переходы в усовершенствованіи быта частнаго и общественнаго, вѣроятно, читатель усмотрит предметы, не недостойные его размышленій, особенно, когда представится ему самому возможность судить чему и с которой поры Сибирь одолжена была возрастаніем, не так скорым? Характеру ли ея правителей или невольному шествію вещей; учрежденіям ли, собствен-

но для нея изрекавшимся, или вліянію общих государственных узаконеній"? Поставив себѣ столь широкую задачу, Словцов, естественно, должен был искать источников для ея выполненія. Лѣтописи, конечно, Словцова не удовлетворяли даже для первых страниц исторіи Сибири. Если до настоящаго времени мы не имѣем не только изслѣдованій, посвященных критическому разбору сибирских лѣтописей Есипова, Ремизова и Строгановской, но даже и вполнѣ точных списков, то можно себѣ представить в каком положеніи находился Словцов по отношенію к лѣтописному матеріалу.

Источниками первостепенной важности для Словцова—могли бы служить историческіе акты. На этом матеріалѣ, добытом и разработанном, как я уже сказал, обосновывал исторію Сибири Миллер. Ко времени Словцова, кромѣ „Полнаго Собранія Закон. Россійск. Имперіи", „Собранія Госуд. Грам. и Договоров", да первых томов „Акт Археогр. Экспедиціи",—других изданій актов, имѣвших отношеніе к работѣ Словцова, не было. В Московск. Архивѣ Иностр. Дѣл и в библіотекѣ Академіи Наук хранились и хранятся знаменитые „портфели Миллера", заключающіе массу неизданных матеріалов и отчасти только использованных для изданій: „Акты Истор.", „Дополн. к Актам Историч.", „Русская Историч. Библіотека", и др. Но ими воспользоваться он не мог, т. к. работу свою вел в Тобольскѣ, о неудобствах в котором вести свои научныя занятія он так высказался: „Получая книги из столиц для мелочных иногда справок через полгода и болѣе, я нерѣдко винил себя за предпріятіе историческое в таком краю, который глух и холоден для содѣйствія подобному труду". Тогда еще историк Сибири и не подозрѣвал о тѣх колоссальных сокровищах, которыя хранились и хранятся в Московском Архивѣ Мин. Юстиціи и взяты были туда из Сибирскаго Приказа: там находятся 1648 рукописных книг, 1704 столбца, 333 разбитых столбца и 220 вязок. Личное мое знакомство с отдѣлами этих документов, относящихся к исторіи Якутской области, убѣждают, что нѣт вопроса в жизни Сибири XVII в., по отношенію к которому не заключались бы данныя в этом архивѣ. Но, быть может, можно было-бы до извѣстной степени воспользоваться Словцову для XVII в. мѣстной стариной, уцѣлевшей в архивах? Для періода времени XVII в. мѣстные архивы свои документы почти уже утратили[1]). Современник Словцова Н. Щукин в своей интересной книгѣ 1844 г. „Поѣздка в Якутск" говорит: „Якутскій архив есть один из примѣчательнѣйших во всей Сибири, как по своей древности, так и по рукописям, в нем сохранившимся. Архивы про-

*) Нѣсколько лучше сохранились документы для исторіи Сибири XVIII в. См. «Матеріалы для исторіи Сибири» Г. Н. Потанина Чтен. Общ Ист. и Древн. Россіи с.» 1866—67 г.

чих городов Сибири истреблены пожарами, но Якутск оставался до времен любопытнаго Миллера во всей полнотѣ. Извѣстно, что Якутск был главным городом всѣх стран, завоеванных на востокѣ от Енисея. Но въ малом уваженіи находились эти драгоцѣнные историческіе факты: они брошены были на жертву времени и стихіям в амбарѣ, сквозь худую кровлю котораго текла дождевая вода, и бѣдные свитки исчезли. Нѣкоторые из них превратились в прах, другіе нельзя уже развернуть—от сырости они слились в одну массу. Множество рукописей растащено и употреблено на заклейку окон. Даже в якутских юртах я видѣл окна, сдѣланныя из старинных рукописей, и с одной из них снял донесеніе томских казаков об открытіи ими Охотскаго моря. Между рукописями попадались писанныя на берестѣ, но они не старѣе XVII вѣка".

То, что сообщил Щукин об Якутском архивѣ, в большей или меньшей степени могло быть отнесено и к другим архивам Сибири, по имѣющимся данным.

П. А. Словцов, сознавая недостаточность матеріалов, которыми он располагал, старался пополнить пробѣлы полученіем самых подробрых справок путем переписки. Так в 1839 г. он писал в Камчатку в Петропавловскій порт протоіерею Громову: „Как далеко вы заброшены; письмо от 15 октября 1837 года я получил в іюлѣ 1838 г.—в такое время, когда рукопись моя о Сибири была в типографіи и это причиною было, что я не воспользовался свѣдѣніями, в письмѣ вашем сообщенными. Это можно будет вознаградить во 2-й книгѣ, закоторую я еще не принимался. Покорнѣйше прошу вас увѣдомить: 1-е если только возможно) как называется и в далеком ли разстояніи отбывшаго Анадырскаго острога та сопка, близ которой пал Павлуцкій; 2) кто послѣ Павлуцкаго командовал Камчаткой, и нѣт ли там реестра начальников, пріѣзжавших на смѣну друг другу; 3) 5000 крещеных камчадалов до Хотунцовнаго,—разумѣется-ли обоего пола? 4) в иностранной книжкѣ читал я, что Курильскіе острова пріобрѣтены (Россіей около 1770 г.; нельзя ли это пояснить обстоятельствами и лицами, в том участвовавшими".

Так обстояло дѣло с архивными матеріалами. Еще хуже, еще слабѣе были данныя по археологіи: археологическія розысканія только ещѣ намѣчались у путешественников по Сибири 1/2 XVIII в., да у Спаскаго.

Наконец, столь важные источники—дневники и мемуары, особенно цѣнные для XVIII вѣка—совершенно отсутствовали и в видѣ печатном и видѣ неизданных дневников, но сохранившихся. Впрочем этого рода источников даже и в настоящее время чрезвычайно мало

обнародовано. Не только не было библіографических указателей на литературу, но не было и достаточно провѣренных библіографических ссылок в научных статьях того времени. Ко всему этому нужно добавить, что ко времени созданія своего труда Словцовым русская историческая наука еще не располагала тѣми сложными пріемами исторической критики первоисточников, пользуясь которыми историк скорѣе и увѣреннѣе разбирается в этих первоисточниках для поставленной им цѣли. При таких условіях понятны тѣ сомнѣнія, которыя высказывались Словцовым в возможности довести до конца намѣченную работу; сомнѣнія эти иногда переходили у него в отчаяніе и безнадежность. Так, в письмѣ от 14 марта 1839 г. он писал Спасскому: „Здѣсь нѣт библіотеки, ни человѣка, с которым бы можно было посовѣтоваться. По многим подобным неудобствам я рѣшился прекратить работу и с этой мыслью приложил краткіе очерки городов,— как в январѣ узнаю, что покойный граф Сперанскій желал, чтобы я продолжал свое „Обозрѣніе“ и обѣщал помочь свѣдѣніями. Теперь со смертью Сперанскаго и обѣщанія и надежды пресѣклись; тѣм не менѣе думаю продолжать работу до 1765 года“. Послѣдняя дата является чрезвычайно важной. Дѣло в том, что обычно рецензенты, исходя из предисловія Словцова, полагали, что труд его, распадаясь на двѣ части, заключает періоды: ч. I, с 1588 до 1742 и 2-я, с 1742 до 1823 г. На самом же дѣлѣ, как видно из второго изданія „Истор. Обозрѣнія“, 2-ая часть доведена лишь до 1764 г. Книга 1-я раздѣляется на три періода: I—період случайных заселеній Сибири с 1585 по 1662 заключает 8 глав; заселеніе Сибири под руководством правительства, II—період, с 1662 по 1709 тоже 8 глав; III—с 1709—1742 из 7 глав—со времени образованія Сибирской губерніи. Книга 2-я, посвященная Михаилу Михайловичу Сперанскому, заключает один IV період, с 1742—1765 г.

В этих хронологических предѣлах Словцов обращает вниманіе на самыя важныя и существенныя явленія в исторіи Сибири. Он разсматривает природныя условія этой страны—ея климат, горы и рѣки, говорит об инородческих племенах, их покореніи и возстаніях, разсматривает географическія открытія и постепенную колонизацію страны описывает ея управленіе, распространеніе христіанства, пограничныя столкновенія и народныя бѣдствія, торговлю, промышленность, особенно останавливается на горном дѣлѣ, говорит о повинностях населенія в пользу государства. Удѣляет много мѣста народному образованію. Написано „Историческое Обозрѣніе Сибири“ языком витіеватым, что нѣсколько затрудняет чтеніе, но эта затруднительность вознаграждает обстоятельностью сообщаемых историком свѣдѣній.

Как отнеслась современная Словцову критика к его труду? В

1844 г. археолог Спасскій в журналѣ „Москвитянин“ писал: „К сожалѣнію этот тяжкій труд преклонных лѣт Словцова, можно сказать, результат всѣх его свѣдѣній о Сибири почти не замѣчен в печати. Из періодических изданій в 1839 г. „Обозрѣніе Сибири“ отмѣчено лишь в журналѣ „Галатея“ (1839 г. ч. I), посвященном преимущественно театру и модам. Там сказано: „Нельзя не порадоваться, что Сибирская исторія, эта важная часть общей русской исторіи, обратила на себя вниманіе человѣка, вполнѣ изучившаго предмет и—преимущество большое—живущаго в тамошнем краѣ. Полной добросовѣстной оцѣнки этой замѣчательной книги до сих пор еще не было. Мы считаем этот долг за „Отеч. Зап.,“ которыя посвящены преимущественно Россіи, обязаны представить подробный отчет об этом важном твореніи и познакомить с ним своих многочисленных читателей; тѣм болѣе, что во всей Европейской Россіи ни в одной книжной лавкѣ нельзя отыскать „Историческаго Обозрѣнія Сибири“. Сочинитель, отпечатав книгу в Петербургѣ, вытребовал всѣ экземпляры себѣ в Тобольск, там и будет продавать книжки“. Были еще несущественныя замѣтки в „Сѣв. Пчелѣ“ и «Сынѣ Отечества». Конечно, второму изданію в 1886 г. „Обозрѣнія Сибири“ удѣлено уже гораздо больше вниманія в печати. Труд Словцова отмѣчен В. И. Семевским в „Сибирском Сборникѣ“, затѣм помѣщены рецензіи в „Истор. В“., „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“, „Сѣвер. Вѣст“. Но и эти рецензіи, то болѣе подробны то менѣе, по существу не касаются работы Словцова. В них сообщаются, главным образом, краткія біографическія свѣдѣнія о Словцовѣ, а затѣм высказываются пожеланія то о необходимости разработки сибирской исторіи, то о развитіи в Сибири народнаго образованія, в частности, особенно настойчиво проводится мысль об открытіи Томскаго Университета. Не лишен интереса тот факт, что никто из рецензентов не упоминает других работ Словцова по исторіи и этнографіи. Между тѣм эти работы не лишены значенія и для нашего времени.

Из других работ Словцова по исторіи Сибири отмѣтим еще „Историческую Записку о Чукотском народѣ“, помѣщенную в „Зап. Геогр. Общ.“ за 1856 г. Н. Абрамовым, заключающую цѣлый ряд свѣдѣній о попытках администраціи Сибири окончательно закрѣпить чукчей за Россіей.

В „Сибир. Вѣстн“ за 1821 г. помѣщена статья Словцова о забайкальских достопримѣчательностях. В этой статьѣ впервые сдѣланы Указанія на археологическія памятники Забайкалья.

Затѣм в „Письмах из Сибири“ 1826 г., изданных в 1828 г. и посвященных Казанскому Обществу любителей Словесности, членом котораго П. А. Словцов состоял, находится нѣсколько писем, посвя-

щенных историческим вопросам Сибири: об Ермаковой перекопы, посѣщеніе Искера, сужденіе о сибирской лѣтописи 1821 г. и др.

При изученіи исторіи Сибири в соотвѣтственных вопросах для всестороняго их освѣщенія необходимо считаться и с этими работами Словцова. Необходимо, наконец, собрать уцѣлѣвшіе еще рукописные матеріалы, которыми непосредственно пользовался Словцов для „Историч. Обозрѣнія Сибири", как и списки послѣдняго. Благодаря любезному содѣйствію А. И. Милютина к розысканію мной матеріалов для настоящаго доклада,—мнѣ удалось познакомиться с хранящейся в библіотекѣ Томскаго университета подлинной рукописной книгой П. А. Словцова около 200 листов, представляющей 2-ую часть его труда „Историческое Обозрѣніе Сибири". В Томскій университет эта цѣнная рукопись прислана была из библіотеки Березовскаго уѣзднаго училища. Извѣстно, что первый Попечитель Зап. Сиб. уч. окр. Флоринскій предложил низшим учебным заведеніям округа всѣ старинныя рукописи и печатныя изданія XVIII и нач. XIX в. передать в Томскій университет. Вмѣстѣ с старинными журналами была передана из Березова и рукопись Словцова. В Березов эта рукопись была доставлена смотрителем Березовскаго уѣзднаго училища Абрамовым, с надписью послѣдняго: „сей автограф бывшаго Визитатора Сибирских училищ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Петра Андреевича Словцова полагаю в фундаментальную библіотеку ввѣреннаго мнѣ Березовскаго училища 15 іюня 1849 года, Штатный Смотритель Березовских училищ Николай Абрамов". Несомнѣнно, что в данном случаѣ имѣется рукопись Словцова со всѣми его поправками, вставками и дополненіями. К сожалѣнію, в Березовѣ, очевидно, рукопись не была вполнѣ сохранена и из 2-ой книги сохранились только 4 главы. В рукописи мы находим цѣнные матеріалы, неиспользованные еще: „О сборѣ ясака в XVIII в.;" „выписку из бумаг Тюменских 1785 г."; „О болѣзнях, существующих в Тобольском уѣздѣ".

Был-ли Словцов историком областником? Извѣстно, что долгое время господствовала в изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развивались стремленія к систематизаціи разнообразной областной исторіи. Не изслѣдовались разнообразныя историко-этнографическія, экономическія, юридическія и вообще бытовыя особенности каждой отдѣльной области.

Мѣстное саморазвитіе, внутренняя жизнь областей оставлялись в сторонѣ, а вмѣсто того, на первом планѣ выдвигалась политическая дѣятельность правительства, развитіе централизаціоннаго устройства Россіи. „Между тѣм русская исторія в самой основѣ своей, есть, по преимуществу, исторія областей, разнообразных ассоціацій провин-

ціальных масс народа". С этой точки зрѣнія—громадная Сибирь занимает на территоріи Россіи особое мѣсто, выдѣляющее ее из общаго характера коренной русской земли. В своем русском населеніи она представляет этнографическій тип. Сибирь, колонизованная русскими, с самаго начала стала пріобрѣтать особый склад административный и бытовой, который с теченіем времени все больше удалялся от обычнаго хода жизни в метрополіи, и страна, связанная с Московским государством, для русскаго народа стала издавна казаться чѣм-то отдѣльным, исключительным, почти чужим, а в самой Сибири стали складываться новые нравы.

И с этой точки зрѣнія на труд П. А. Словцова „Истор. Обозр. Сибири" иначе и нельзя смотрѣть, как на труд перваго историка-областника Сибири.

Г. Н. Потанин в своей статьѣ 1907 г. „Областническая тенденція в Сибири" говорит, что термин—областничество—появился около 15 лѣт тому назад, но тенденція, которая понимается под этим именем, задолго до этого уже жила в Сибири, только обозначалась уже другим именем: она называлась сибирским мѣстным патріотизмом. Первым сибирским патріотом всегда считали Словцова, автора большого сочиненія в двух томах: „Историческое Обозрѣніе Сибири". Григорій Николаевич Потанин считает Абрамова в Тобольскѣ и двух братьев Шукиных в Иркутскѣ, извѣстных изслѣдователей по Сибирской этнографіи, исторіи и статистикѣ, учениками Словцова, в которых он воспитывал и укрѣплял любовь к научным занятіям. Не подлежит сомнѣнію, что и позднѣйшіе изслѣдователи сибирской старины ни в одном вопросѣ по исторіи Сибири не могут игнорировать того, что было сдѣлано Словцовым.

Теперь, когда мы имѣем общую исторію Сибири, как области, наступило время монографической разработки ее по отдѣльным небольшим территоріям и по отдѣльным вопросам внутренней ея жизни в XVII и XVIII в. При массѣ имѣющагося уже матеріала, отчасти изданнаго, а, главное, хранящагося преимущественно в центральных столичных архивах—для освѣщенія всѣх сторон прошлой жизни Сибири нужны только работники и их нужно много. Так долго ожидаемый историко-филологическій факультет Томскаго университета открыт; он даст этим работникам и необходимую научную подготовку и углубит их сознательную любовь к Сибири. Наступит время, когда будет читаться спеціальный курс исторіи Сибири, когда П. А. Словцову в курсѣ исторіографіи будет удѣлено заслуженное вниманіе; а пока да позволено будет высказать слѣдующія пожеланія.

Быть может, Общество Исторіи, Этнографіи и Археологіи при

Томском университетѣ признает возможным в соотвѣтствующем порядкѣ возбудить ходатайства:

1) о передачѣ из библіотеки Тобольской гимназіи всей библіотеки Словцова, куда она поступила послѣ смерти П. А. Словцова, и всѣх рукописей его, если они там находятся, в библіотеку Томскаго университета;

2) об учрежденіи при историко-филологическом факультетѣ Томскаго университета преміи имени Словцова за работы по исторіи Сибири, а если возможно, то и студенческой стипендіи;

3) об изданіи всѣх работ Словцова, посвященных исторіи, этнографіи и археологіи Сибири;

4) о принятіи мѣр к охранѣ могилы Петра Андреевича Словцова.

Да будет сохранена вѣчно память о нем, да не забудется славное имя Петра Андреевича Словцова!

Март. 1918 г.
г Томскъ

Н. Бакай.